

На правах рукописи

ЦЫБУЛЯ Николай Сергеевич

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В СИНТАКСИСЕ НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Специальность 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Белгород – 2014

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Прохорова Ольга Николаевна

Официальные оппоненты: **Серебрякова Светлана Васильевна,**
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский
федеральный университет», заведующий
кафедрой теории и практики перевода
Гуманитарного института

Пастухов Александр Гаврилович,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный
институт искусств и культуры», заведующий
кафедрой иностранных языков

Ведущая организация: **Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Волгоградский государственный
университет» («ВолГУ»)**

Защита состоится 23 января 2015 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета Д 212.015.03 при ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 308015 г. Белгород, ул. Победы, д. 85, корпус 17, к. 3-33.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», а также на сайте www.bsu.edu.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

И.А. Куприева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено рассмотрению иррационального в синтаксисе немецкого предложения.

Научный интерес к изучению иррационального в языке находит свое подтверждение в трудах таких отечественных и зарубежных ученых, как Н.Д. Арутюнова, Л.П. Киященко, Е.В. Ключев, В.В. Налимов, А. Фрей, С. Пинкер, В. Зандерс, Ш. Балли, Н.С. Мудрагей и др., хотя сам термин «иррациональное» по отношению к языку употребляется крайне редко. Чаще всего он заменяется такими определениями, как «аномальное», «алогичное», «эмоциональное», «эмфатическое», «инстинктивное». Эти термины имеют разное значение, но объединить их можно вышеупомянутым термином – иррациональное.

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена постоянным интересом лингвистов к противоречивым высказываниям как с точки зрения содержания, так и формы, к всевозможным грамматическим отклонениям от норм литературного языка, к асимметричному дуализму языкового знака. Язык и речь весьма редко рассматривают сквозь призму иррационального, а сам термин используется обычно только в фонетике для обозначения редуцированного звука. По отношению к элементам других языковых уровней термин «иррациональное» не употребляется. Возросший интерес к иррациональному в последние десятилетия во всех областях человеческого знания свидетельствует о недостаточной изученности данного явления, в том числе, и в речи человека.

Гипотеза исследования заключается в выдвинутом нами предположении, что иррациональное в языке не есть отрицательное явление, а, напротив, оно способно выполнять функции, не присущие рациональному, тем самым не только дополняя его, но и обогащая речь в целом.

Объектом исследования выступают синтаксические средства немецкого языка, которые служат для выражения иррационального, всевозможные отклонения от грамматической нормы, многочисленные возникающие неосознанно и намеренно грамматические аномалии, а также многозначность как языковая универсалия, свойственная не только свободным, но и устойчивым конструкциям.

Предметом исследования служат устойчивые и свободные синтаксические конструкции с отклонением от грамматической нормы немецкого языка, содержащие в себе иррациональное или эксплицирующие его.

Материалом исследования являются контексты из немецкой художественной литературы XVIII-XX вв., а также современных публицистических изданий, полученные методом сплошной выборки. Общее число примеров, послуживших объектом анализа, составило 3 000 ед.

Цель исследования – выявить синтаксические явления немецкого языка, использование которых несопоставимо с нормой, и объяснить их употребление с точки зрения прагматической лингвистики. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих частных **задач**:

1. Изучение философского подхода к определению понятий «рациональное» и «иррациональное».
2. Рассмотрение основных этапов нормализации и рационализации немецкого языка в историческом аспекте.
3. Выявление способов, методов и приемов иррационализации окружающего мира в прагматическом аспекте.
4. Соотнесение выявленных приемов иррационализации окружающего мира с эксплицирующими их языковыми средствами.
5. Вычленение дополнительных, частных дихотомий в рамках основной дихотомии «рациональное – иррациональное».
6. Рассмотрение синтаксических средств немецкого языка, удовлетворяющих требованиям каждой из выделенных дихотомий.

Теоретической базой для исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные рассмотрению отклонения от языковой нормы, противоречивых высказываний, стилистических и риторических фигур, классификации устойчивых синтаксических конструкций, а также труды философов, относящихся к полярным философским течениям: рационализму и иррационализму.

Методология. В работе были применены как общеисследовательские методы индукции, классификации, абстрагирования, так и собственно лингвистические методы: описательный, структурный, метод подстановки, трансформации и катализа, а также семантический анализ синтаксических конструкций.

Проведенное исследование позволяет **вынести на защиту** следующие **положения**:

1. Иррационализации окружающего мира способствует метафорическая категория «адвокат дьявола», состоящая из трех компонентов: умолчание, фальсификация и дезориентация. Реализация этих компонентов осуществляется в повседневном языковом поведении человека и ее особенности могут быть изучены в рамках прагмалингвистики.
2. Входящие в структуру «адвокат дьявола» компоненты могут реализовываться посредством использования различных языковых средств. Так, для реализации «умолчания» в немецком языке используются такие средства, как апозиопезис и эллипсис, для фальсификации – метафора, для дезориентации – ирония.
3. В рамках основной дихотомии «рациональное – иррациональное» на основе исследованных данных немецкого языка можно выделить четыре дополнительные дихотомии, когда рациональному противопоставляется не только иррациональное, но и нерациональное, эмпирическое и эмоциональное.
4. В немецком языке существуют явления, которые однозначно свидетельствуют о наличии всех выше перечисленных дихотомий. Иррациональное проявляется в дуализме лингвистического знака и в несоответствии формы ее содержанию; нерациональное отражается в нерациональном использовании языковых средств (в плеоназмах и гипернормализации); эмпирическое проявляется в устойчивых сочетаниях, в частности в пословицах с отклонениями от

грамматической нормы немецкого языка, поскольку их освоение происходит эмпирическим путем независимо от возраста изучающего язык человека, а их исправление исключено в силу устоявшейся формы; эмоциональное проявляется в нарушении языковой нормы под влиянием внутренних переживаний человека.

5. Иррациональное в языке нецелесообразно расценивать как негатив или отклонение, наоборот, в большинстве случаев использование иррациональных языковых явлений позволяет более точно разобраться в имеющейся ситуации.

Теоретическая значимость заключается в применении термина «иррациональное» к языку и речи через прагматику и синтаксис, а также в том, что семантическому и грамматическому анализу были подвергнуты как свободные, так и устойчивые структуры немецкого языка. Введение категории «адвокат дьявола» через прагматику в область синтаксиса позволяет классифицировать языковые явления в рамках данной категории. Предлагаемая систематизация языкового материала может способствовать дальнейшей разработке идей и принципов проявления иррационального в языке, в том числе и на других языковых уровнях. Вклад в теорию заключается в систематизации отклонений от грамматической нормы немецкого языка на синтаксическом уровне.

Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при подготовке филологов и переводчиков, прежде всего в курсе лекций по дисциплине «Теоретическая грамматика немецкого языка», на практических занятиях по немецкому языку со студентами неязыковых специальностей, на практических занятиях по грамматике немецкого языка, а также при написании студентами курсовых, дипломных и магистерских работ.

Апробация основных положений и результатов исследования проходила на заседаниях кафедры немецкого языка Белгородского государственного национального исследовательского университета (2010 – 2013 гг.). По результатам исследования были сделаны доклады на следующих научных конференциях различного уровня: 3-я Международная научно-практическая конференция «Научный поиск в современном мире» (апрель 2013 г., г. Москва); V Международная научная конференция «Современная социология и меняющееся общество: изменения и проблемы» (август 2012 г., Москва); VIII Международная научная конференция «Гуманитарные науки и современность» (декабрь 2012 г., г. Москва); Международная научно-практическая конференция «Экономика и лингвистика: пути взаимодействия» (2009 г., г. Екатеринбург); Всероссийская студенческая научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации» (2007 г., г. Екатеринбург).

Структура диссертации отражает основные этапы и логику проведения исследования. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения, Библиографического списка, Списка использованных словарей и энциклопедий и Списка источников фактического материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дана краткая характеристика проведенного исследования: сформулирована актуальность поставленной проблемы, определены объект, предмет, методы исследования, цель и задачи, научная новизна диссертационного исследования, а также его научная, теоретическая и практическая значимость, методология исследования и выносимые на защиту положения.

В **первой главе «Теоретические основы становления понятия “иррациональное”»** описывается теоретическая база проведенного исследования – рассматриваются философский аспект понятия «иррациональное», теоретические предпосылки изучения данного явления в языке.

В **параграфе 1.1. «Краткая история иррационализма. Философский аспект»** определяется термин «иррациональное» и отношение к нему на разных этапах развития человеческого общества.

В настоящее время происходит переоценка *иррационального*. Можно утверждать, что иррациональное реабилитируется и приобретает новое значение в современной науке.

Н. С. Мудрагей в своей работе «Очерки истории западноевропейского иррационализма» (Мудрагей, 2002) рассматривает иррациональное в положительном и негативном смысле. Иррациональное в негативном смысле она называет *еще-не-рациональное*, но уже на пути к нему, а в положительном – *иррациональное-в-себе*, то есть принципиально непознаваемое.

Однако таким отношение к явлению иррационального было не всегда. На различных этапах развития человеческого общества к иррациональному относились по-разному. Иррациональное противопоставлялось рациональному познанию как созерцание (Платон, Кант, Гуссерль), как интуиция (Бергсон, Лосский), вера (Августин, Кьеркегор), понимание (Дильтей), чувство (Якоби), воля (Шопенгауэр), бессознательное, инстинкт (Фрейд, Юнг), тело (Фуко).

Смена исторических формаций может служить «глобальным» примером тех процессов, которые показывают внутренний механизм превращений, происходящих при формировании (образовании) самой иррациональности и, что особенно важно, при «превращении» ее в рациональное. Подобно тому, как исторические условия, ситуации определяют характер происходящих изменений в обществе, так и контекст, ситуация изменяют характер функционирования языковых единиц с точки зрения рациональности/иррациональности.

В **параграфе 1.2.** рассматривается механизм рационализации языка.

С появлением письменности начинается постепенный и длительный процесс рационализации. Сам факт перекодирования звукового образа речи в графический свидетельствует о работе человеческого сознания, продуктом которого является систематизированная, функционирующая по определенным правилам письменная речь. На этом процесс рационализации не завершается, в дальнейшем теоретически выстраиваются более сложные системы, выявляются связи и закономерности.

В **параграфе 1.3.** определяется место иррационального в языке и речи.

Наличие иррационального в языке можно полностью исключить, так как перед отнесением того или иного явления к языку оно проходит тщательную обработку разумом, что переводит его в разряд рационального. Что касается речи, то чаще всего иррациональный компонент содержится в ней. Однако здесь также следует разграничивать интеллектуальную и эмоциональную речь, поскольку интеллектуальная речь максимально логична и точна, чего нельзя сказать об эмоциональной речи.

Узус, представляя собой навык использования языковых средств в процессе коммуникации, тоже может включать в себя иррациональное, однако это иррациональное со временем переходит в язык, так как используется большинством носителей языка. Не исключено, что эти языковые явления уже зафиксированы в языке, однако по каким-то причинам нарушение системы все еще наблюдается, например, в немецком языке существуют пословицы с отклонением от нормативной синтаксической структуры, но корректировать устоявшиеся и проверенные временем структуры никому не придет в голову, следовательно, эти отклонения нужно принимать как данное.

Параграф 1.4. посвящен описанию сущности иррационального в языке и речи.

Открытие начинается с осознания аномалии, то есть с установления того факта, что природа каким-то образом нарушила навешанные парадигмой ожидания, направляющие развитие нормальной науки. Польза порядка очевидна, польза отклонений от нормы нуждается в обосновании. Некоторый свет на роль аномальных явлений на развитие мысли проливают данные языка (Арутюнова, 1987).

В работе «Психопатология обыденной жизни» Зигмунд Фрейд обращается к случайным языковым ошибкам, обмолвкам, опускам и очиткам, которые, по его мнению, являются признаками глубокого нарушения психики. Они возникают на подсознательном уровне, не имеют ничего общего с сознанием, представляют собой иррациональное явление.

Н.В. Крушевский в своей первой научной работе «Заговоры», которая была написана на этнологическую тему в 1875 году, противопоставляет укоренившемуся в то время взгляду на язык как на «продукт сознательной деятельности человека» убеждение, что «сознание и воля человека» оказывают на развитие языка «весьма малое влияние».

Усвоение языка, в особенности приобретение чутья правильного выбора форм, – процесс глубоко бессознательный. Дальнейший глубокий психологический анализ может пролить свет на понятие интуиции, которое, вероятно, равнозначно с внутренним чутьем.

Мысль, передаваемая с помощью языка, не является строгим соответствием выражающей ее словесной оболочке. Передача мысли посредством языка от говорящего к адресату осуществляется вследствие *эвристического переосмысления*. Данное явление можно рассматривать как результат и как процесс, то есть в стадии преобразования. Те явления, которые невозможно переосмыслить, представляют собой аномалии.

Пытаясь выразить свою мысль, человек искажает действительность и отступает от истины, сам того не подозревая. Чтобы сделать речь выразительной, человеку приходится деформировать идеи, приуменьшать или преувеличивать (Балли, 2009).

В *параграфе 1.5.* вводится метафорическая категория «адвокат дьявола», которая через прагматику может быть перенесена в плоскость синтаксиса немецкого языка.

Для получения продукта человеческого сознания в первую очередь необходимо наличие информации для обработки разумом. Для получения продукта, соответствующего истине, эта информация должна быть достоверной. Отсутствие одной из этих предпосылок либо исключает получение рационального знания, либо приводит к искажению истины. В связи с этим в качестве источника иррационального в данном диссертационном исследовании мы предлагаем рассматривать категорию «адвокат дьявола», поскольку составляющие ее компоненты способствуют сокрытию необходимой информации и искажению истины.

«Адвокатом дьявола» изначально считался человек, который на заседании католической церкви при причислении того или иного кандидата к лику святых приводил недостатки данного человека (ДЕФОРТ, 1994). В дальнейшем «адвокатом дьявола» начали называть всякого человека, пытающегося осквернить кого-либо, исказить какие-либо факты, ввести в заблуждение.

Таким образом, как отмечалось ранее, адвокат дьявола в своей деятельности использует критику и оценку, логику и рациональное мышление. Но добивается цели он непосредственно с помощью языка, используя следующие простые приемы: *умолчание, фальсификацию, дезориентацию* (Там же: 7).

Умолчание - один из компонентов, входящих в структуру категории «адвокат дьявола».

Не всякое молчание заслуживает внимания лингвистов. «Лингвистическому исследованию подлежит коммуникативно значимое молчание, т. е. молчание, выполняющее определенную знаковую функцию в вербальной коммуникации. Если человек находится в состоянии сна, то его молчание коммуникативно нерелевантно, равно как и его возможная речь во сне. Если человек молчаливо гуляет в парке, сидит на берегу озера или моря, поднимается в гору, едет в поезде, если он занят какой-либо работой, не требующей вербальной коммуникации, то его молчание не имеет функциональной нагрузки» (Богданов, 2007).

Умолчание имеет непосредственное отношение к молчанию, однако между ними имеются и существенные различия. Одним из основных критериев разграничения умолчания от молчания является интенция говорящего скрыть определенную информацию.

Второй компонент категории «адвокат дьявола» – фальсификация.

Фальсификация представляет собой передачу заведомо ложной информации. Ее можно поставить в один ряд с ложью и обманом. О лжи можно говорить только в том случае, когда присутствует намерение обмануть. С точки

зрения прагмалингвистики, использование языка с целью обмана определяется намерением говорящего еще до локутивного акта. При этом для обмана могут быть использованы любые немаркированные языковые средства, следовательно, язык при имеющейся интенции обмануть собеседника может стать орудием лжеца. Такого рода обман мы будем называть *неязыковой ложью*, поскольку сам факт обмана содержится не в языке, а лишь осуществляется с его помощью. Для лжи характерна интенция говорящего обмануть собеседника. В зависимости от наличия или отсутствия намерения обмануть одно и то же высказывание можно рассматривать как истину, ложь или заблуждение. Критерии определения лжи представлены в следующей таблице:

	Критерии	
	<i>Намерение обмануть</i>	<i>Владение истинной информацией</i>
Истина	–	+
Ложь	+	+
Заблуждение	–	–

Этому виду обмана противопоставляется *языковая ложь*, которая далеко не всегда рассматривается как обман с точки зрения прагматики. Сюда можно отнести многочисленные **риторические фигуры**, такие как **эвфемизмы, гиперболы, эллипсисы, амфиболию, иронию, антропоморфизмы, метафоры**. Критерием, позволяющим причислить все данные фигуры к сфере иррационального, является отсутствие прямого соответствия означающего означаемому, знака – референту, формы – содержанию. В данном случае происходит целенаправленная подмена одного другим.

Далее рассматривается третий компонент категории «адвокат дьявола» – дезориентация.

Дезориентация отличается от дезинформации тем, что истинная информация подменяется не ложной, а совершенно не относящейся к делу, причем необходимое умалчивается. Следовательно, между тремя приемами «адвоката дьявола» можно найти точки соприкосновения. Дезориентацию можно разделить на позитивную и негативную. Когда передается истинная информация («истина не по существу»), которая, тем не менее, уводит от релевантной в данный момент информации, имеет место позитивная дезориентация. При передаче ложной информации, которая, в свою очередь, также сообщается не по существу, речь идет о негативной дезориентации.

Во второй главе «Языковые средства выражения иррационального в речи» описываются средства немецкого языка, которые прямо или косвенно имеют отношение к иррациональному. Это отношение может выражаться либо формой, либо значением, однако следует обратить внимание на то, что «иррациональное» не является понятием исключительно негативным. Методы «адвоката дьявола» нередко используются с благими намерениями, поэтому рассмат-

риваемые в главе языковые средства в противовес к представленным в первой главе явлениям прагматики имеют только положительное значение, делая речь образной, живой и эмоциональной.

В *параграфе 2.1.* речь идет о языковых средствах умолчания в немецком языке. Повседневная разговорная речь изобилует фигурами умолчания, которые являются рациональными с точки зрения принципа языковой экономии. Данные фигуры представляют собой определенное отклонение от нормы, которой, как правило, считается минимальное предложение. Поскольку происходит нарушение полноты синтаксической структуры данное сокращение можно рассматривать как фигуру.

К фигурам умолчания, без сомнения, можно отнести **апозиопезис** и **эллипсис**. Апозиопезис представляет собой обрыв, при котором предложение остается незаконченным, в результате чего теряется часть релевантной или нерелевантной информации. Возникновение апозиопезиса обусловлено ситуацией и связано с эмоциональным переживанием говорящего: „*Kann ich nicht in das Hotel gehen, wo...? In Ihr Hotel?*“ (Remarque, 1988).

Элиминированная посредством апозиопезиса информация не подлежит восстановлению и остается тайной независимо от того, намеренно или ненамеренно был использован обрыв.

В отличие от апозиопезиса в предложениях с эллипсисом опущенная информация легко восстанавливается либо из предыдущего контекста, либо при помощи экстралингвистической информации:

„*Jude?*“ – *fragte der Schreiber.*

„*Mein Vater. Meine Mutter nicht.*“ (Remarque, 2011).

В зависимости от того, что является источником восстановления элиминированных элементов предложения, принято различать **анафорический** и **ситуативный** эллипсис. Кроме того, мы предлагаем разграничивать семантический и грамматический эллипсис. В последнем случае речь идет о восстановлении сокращенной аналитической конструкции, один из элементов которой опускается согласно принципу языковой экономии.

Наиболее часто в речи встречается неосложненная зевгма, о которой можно говорить, когда к одному из членов предложения относятся несколько других членов предложения: *Es ist interessant und wichtig* = *es ist interessant* + *es ist wichtig*. В приведенном контексте отклонения от нормы не наблюдается, так как безличное подлежащее *es* согласуется со сказуемым, а по правилам немецкой грамматики предикатив выражается кратким прилагательным в несклоняемой форме. Однако иногда согласования между подлежащим и сказуемым не происходит: *Dies ist kein Kinderspiel und kein Gangsterfilm* (Remarque, 1976). *Es war Zärtlichkeit, Ironie und ein Schatten von Traurigkeit darin* (Remarque, 1976). *Darin liegt unser Elend und unser Scharm* (Remarque, 1976). *Größer und sonderbar, als wäre der Körper fortgegangen und der Tod allein geblieben* (Remarque, 1976). В этих примерах сказуемое не согласуется с подлежащим, выраженным несколькими именами существительными. Данное явление называется **силлепсисом** и может рассматриваться как определенное нарушение, несоответствие знака оз-

начаемому. Нельзя утверждать, что в данных примерах речь идет об эллипсисе, так как в нем нет опущенных элементов, речь идет о подмене одной формы слова другой, не подходящей к данному ряду слов с точки зрения логики.

Анафорический эллипсис не подразумевает точного воспроизведения уже использующейся ранее формы, которая элиминируется в последующем контексте. Более того, возможно расщепление грамматической формы. *Weil aber nun beide an fast gar nichts anderes zu denken vermochten als an Undine, so wussten sie auch nichts Besseres, als, der Ritter zu hören, wie Undine zu dem alten Fischer gekommen sei, der alte Fischer diese Geschichte zu erzählen* (Fouquet, 2009). Глагол *wissen* употреблен в предложении в третьем лице множественного числа, однако в той части предложения, где данный глагол элиминируется, подразумевается его использование в единственном числе по отношению к каждому агенту в отдельности: *der Ritter wusste nichts Besseres, als zu hören...* и *der alte Fischer wusste nichts Besseres, als zu erzählen*. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что грамматическая форма слова не играет роли при его использовании в качестве анафорического эллипсиса, так как подразумевается его лексическое значение.

Далее описываются фигуры языковой лжи.

Употребляя слова в переносном значении, человек, как правило, не преследует никаких особых целей. Данный процесс настолько автоматизирован, что выбор слова с переносным значением практически не замечается человеком. Более того, используя метафоры в речи, говорящий не пытается обмануть собеседника, скорее, наоборот, желает более точно донести информацию, для чего и использует метафорическое сравнение. Отсутствие соответствующей интенции не позволяет нам говорить об акте лжи или обмана.

В связи с тем, что тропы основаны на сравнении, они тоже принимают непосредственное участие в процессе познания. В романе Бернгарда Келлерманна встречается метафора, которая как ничто другое наглядно демонстрирует состояние воды в океане: *...augenblicklich zerschlagen die Schiffsschrauben das Wasser zu kochendem Marmor...* Естественно речь идет не о мраморе, тем более кипящем, а о чем-то подобном данному явлению. Но как результат использования данной метафоры перед глазами читателя сразу возникает определенная конкретная картина, которую сложно было бы описать другими языковыми средствами. Однако в данном случае приходится абстрагироваться от прямого значения выражения *zu kochendem Marmor zerschlagen*, при его буквальном восприятии оно лишается всякого здравого смысла, является иррациональным. Осуществляется своего рода ложь, которую мы называем чистой языковой ложью, поскольку она не вводит читателя в заблуждение, а, наоборот, способствует более точному представлению происходящего. Кроме того, как мы определили ранее, для лжи и обмана характерна соответствующая интенция, которая в приведенном примере полностью отсутствует.

Джон Локк осуждает метафору, которая стремится «внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый обман...» (цит. по Арутюнова, 1990: 11).

По своему определению с определением обмана полностью совпадает ирония, но ирония не преследует целью обмануть адресата. В процессе коммуникации адресат, как правило, распознает иронию и правильно воспринимает переданную информацию. Если этого не происходит, что приводит к коммуникативной неудаче, то неправильное восприятие сказанного возникает скорее не по вине говорящего, а в силу необразованности адресата или его неосведомленности в сложившейся ситуации (Weinrich, 2007).

Харальд Вайнрих использует термин «сигнал иронии», который должен получить адресат, чтобы адекватно воспринять иронию. Если этот сигнал улавливается адресатом, то коммуникативной неудачи не возникает. В устной речи сигнал иронии можно передать интонационно, в письменной без определенного контекста сделать это довольно сложно. Нужно подобрать нужные слова и выстроить их в такой последовательности, которая не позволит прочесть их с нейтральной интонацией: *Ich trage eben große Lust, mein Freund, nach deiner Weisheit und richte alle Gedanken darauf, damit von dem, was du sagst, nur nichts zur Erde falle* (Там же).

Под сигналом иронии понимается, в первую очередь, известная коммуникантам информация, которая в предложении с иронией выдается за истину, хотя на самом деле таковой не является.

В параграфе также приводятся примеры дезориентации. В романе Э.М. Ремарка «Im Westen nichts Neues» встречается дезориентация подобного рода, когда мысли солдата, потерявшего ногу, пытаются увести в сторону: *Ich rede weiter: "Es konnten auch beide Beine sein, Franz. Wegeler hat den rechten Arm verloren. Das ist viel schlimmer. Du kommst ja auch nach Hause."* (Remarque, 2006).

Еще один пример дезориентации иллюстрирует поведение Роберта Локампа в ситуации, когда может быть раскрыта информация о его лжи относительно поездки в Бразилию:

„Rio de Janeiro... Waren Sie zusammen da?“ Gottfried stutzte. Mir lief es plötzlich kalt über den Rücken. „Seht mal den Mond!“ sagte ich rasch (Remarque, 2006).

К сожалению, в найденных и проанализированных нами контекстах не встречаются синтаксические средства дезориентации. В связи с этим данный элемент категории «адвокат дьявола» рассматривается в настоящем диссертационном исследовании только с точки зрения прагматики.

Часто методы «адвоката дьявола» используются с благими намерениями, поэтому данная метафорическая категория сопоставима с известным изречением Мефистофиля, который утверждает: «*Ich bin ein Teil von jener Kraft, die stets das Böse will und stets das Gute schafft*».

Параграф 2.2. «Дихотомия „рациональное – иррациональное“ и языковые средства ее реализации в немецком языке» посвящен описанию синтаксических средств немецкого языка, наличие которых позволяет противопоставить рациональному нерациональное, эмпирическое и эмоциональное.

Проанализированный фактический материал позволил выделить в рамках общей дихотомии «рациональное – иррациональное» четыре дополнительные группы, каждую из которых можно противопоставить «рациональному» и все вместе объединить общим термином «иррациональное в широком смысле».

Дихотомия «рациональное – иррациональное». Иррациональным, без сомнения, является несоответствие формы ее содержанию. Каждая грамматическая форма наделена определенным смыслом, каждая морфема обладает своим значением, и часто не одним.

Примером того, когда семантическая составляющая преобладает над грамматической формой, является силлепсис. Об этом явлении писали еще в «Общей и рациональной грамматике Пор-Рояля».

Данное несоответствие определяется не в изолированной словоформе, а только в сочетании слов. Так, например, форма глагола “schmeckt” свидетельствует о том, что глагол используется либо в третьем лице единственного, либо во втором лице множественного числа. В соответствии с лексическим значением данного глагола второе лицо множественного числа исключается. Следовательно, от данной словоформы ожидается только единственное число. В предложении *Schmalz und Zwiebel zusammen schmeckt ausgezeichnet* (Bredel, 1935) встречаются два однородных подлежащих, что по законам согласования требует использования сказуемого во множественном числе. Однако в данном примере это правило нарушается, и форма перестает соответствовать содержанию. Для выбора подходящей формы сказуемого в этом предложении решающую роль играет слово *zusammen*, свидетельствующее о том, что *Schmalz* и *Zwiebel* необходимо рассматривать как единое целое. Таким образом можно объяснить использование именно этой словоформы и именно в этом предложении при наличии уточняющего слова *zusammen*.

Часто однако, встречаются предложения, в которых никакого подобного уточнения нет: ... *hinter der Frage, die Kreibel durchklopft, verbirgt sich sein ganzer Jammer, die ganze Not, die grenzenlose Verzweiflung* (Bredel, 1935). Данный пример подобен предыдущему с точки зрения использования формы глагола в единственном числе вместо необходимого здесь множественного. Мы можем попытаться объяснить использование этой формы, рассмотрев лексическое наполнение предложения. Все однородные подлежащие представлены словами, выражающими чувства, эмоции, в совокупности отражающие общее состояние человека, по этой причине и глагол употребляется в единственном числе.

Основываясь на приведенных различиях в трактовке понятий, можно сделать вывод о том, что в романском языкознании под силлепсисом понимается любое нарушение синтаксической нормы под влиянием семантики. В грамматике немецкого языка «Duden» данное явление обозначается терминами, заимствованными из латинского и греческого языков: «*constructio ad sensum*» и «*Konstruktion kata synesin*». Однако мы придерживаемся определений отечественной лингвистики, что позволяет предположить, что силлепсис более узок в своем толковании, поэтому его можно рассматривать как частный случай синезиса, который в немецком языке встречается в следующих случаях:

1) неправильное согласование сказуемого с подлежащим, а именно несоответствие числа подлежащего грамматическому числу сказуемого: *Eine Menge von Büchern lagen auf dem Tisch. Mehr als ein Drittel der Beschäftigten legten die Arbeit nieder* (Duden, 2009). *Es fehlen eine Reihe Stücke daraus...* (Zweig, 2001); в данном случае нельзя говорить о силлессисе, так как исключается отсутствие однородных членов предложения.

2) Неправильное использование грамматического рода, например, неправильное употребление притяжательного местоимения: *Das Weib verwandte ihre ganze Kunst darauf* или замена существительного личным местоимением другого рода, например, в немецком языке уже давно стало нормой использовать для замены существительного *das Mädchen* местоимение *sie* вместо *es*: *Ein Mädchen... strich dicht an Hans Castorp vorbei, indem es ihn fast mit dem Arme berührte. Und dabei pfiff sie...* (Mann, 1986).

Использование неправильных с точки зрения грамматики форм является причиной нарушения логической связи слов в предложении, но нельзя категорично утверждать, что подобные явления недопустимы. Использование местоимения *sie* вместо существительного *das Mädchen* встречается в современном немецком языке весьма часто, однако местоимение *es* также используется, о чем свидетельствуют следующие примеры:

Er sah das Mädchen an einem Tisch sitzen. Es hatte die Ellenbogen aufgestützt und las. Außer ihm war niemand in der Halle (Remarque, 2011). *Das Mädchen musste noch im Hotel sein. Wahrscheinlich war sie dann in der Halle* (Там же). *Nach einiger Zeit sah er, wie das Mädchen in seiner Tasche griff und sie öffnete* (Там же). *Das Mädchen fuhr zusammen, als wären seine Gedanken woanders gewesen. Dann klopfte es das Buch, das vor ihm lag, zu* (Там же).

Наиболее часто синезис встречается в разговорной речи. При оформлении письменного сообщения у человека есть время на обдумывание построения высказывания.

В параграфе разводятся понятия иррациональное и нерациональное, которые не следует рассматривать как синонимы.

В последнее время в повседневной жизни по радио, телевидению, в прессе часто приходится сталкиваться с выражениями «нерациональное использование природных ресурсов», «нерациональное использование бюджетных средств» и т.д. Данное выражение можно применить и к использованию языковых средств. Под нерациональным использованием понимается прежде всего «не направленное на более разумное использование чего-либо». В лингвистике данное явление очень тесно связано с экономией языковых средств. Принцип языковой экономии заключается в сжатии, совмещении, стяжении, редукции, элиминировании, свертывании, эллиптических предложениях и т.д.

На всех языковых уровнях отмечается противоборство двух противоположных тенденций: экономии и избыточности, проявляющихся как в плане выражения, так и в плане содержания.

В предложении *Miesicke hat die Nacht nicht geschlafen, hat sich nicht waschen, hat nichts essen können* (Bredel, 1935) использование трех одинаковых

вспомогательных глаголов излишне. Они создают тавтологию, увеличивают время на произношение фразы и усложняют ее восприятие. В предложении одно подлежащее с двумя однородными сказуемыми. Для обоих сказуемых достаточно было бы употребить вспомогательный глагол единожды, причем это не отразилось бы на смысле предложения: *Miesicke hat die Nacht nicht geschlafen, sich nicht waschen, nichts essen können*. Даже если бы была необходимость использовать форму глагола «hat» с каждым сказуемым в отдельности, то он должен был быть использован два раза, так как мы видим, что два раза вспомогательный глагол относится к одному и тому же глаголу *können*. Следовательно, тройное употребление вспомогательного глагола в данном предложении является избыточным и нерациональным.

Рассмотрим следующий пример: *Es hilft alles nichts* (Bredel, 1935). Попытаемся определить, имеются ли в данном предложении избыточные средства. На первый взгляд, может показаться, что слова *es* и *alles* можно было бы опустить без изменения смысла предложения, так как предложение *Nichts hilft* имеет аналогичное значение. Но при более детальном рассмотрении проявляется отсутствие экспрессивности в упрощенном предложении, хотя его смысл остается неизменным. *Alles* в данном предложении, являясь антонимом по отношению к отрицательному местоимению *nichts*, выполняет функцию усилителя и не имеет своего лексического значения, тогда как неопределенное местоимение *es* лишь занимает первое место, чтобы оттеснить вправо *nichts* и таким образом подчеркнуть его значимость. В данном случае речь идет о стилистической избыточности, которая преследует определенную цель, а именно, избыточные элементы наделены не лексическим и грамматическим, а коннотативным значением, употребление этих средств поэтому оправдано.

Особого внимания заслуживает **полисиндетон** в ритмически неорганизованных предложениях, таких как, например, *Kat und Detering und Haie werden wieder in ihren Beruf gehen...* или *Sie riechen noch nach Harz und Kiefern und Wald* (Remarque, 2006). Кроме того, что использование союза *und* несколько раз подряд излишне, это вызывает эффект обманутого ожидания. В привычных нам перечислениях связь между однородными членами предложения имеет интонационное оформление в виде пауз, и только последний член данного ряда соединяется с предпоследним посредством союза. Другое дело, когда неоднократное употребление союза служит для создания ритма в поэтическом произведении, например, *Ein Ehrenfräulein kommt und knickt// Und bringt das Morgenjäckchen* (Heine, 2006).

Определенный вид избыточности демонстрирует **гипернормализация**, представляющая собой использование гиперкорректных грамматических построений с интенцией говорящего повысить уровень своего интеллекта в глазах окружающих, имеющая, однако, противоположный эффект: подобные конструкции затрудняют восприятие и зачастую являются ошибочными с точки зрения логики и грамматики. *Nach anfänglichem Leugnen gestand der Jude Gottfried Miesicke... der kommunistischen Partei für ihre illegalen Arbeiten Geld gegeben haben zu wollen* (Bredel, 1935). Данному предложению предшествует длительное

размышление автора о его корректности, в результате которого возникает окончательный вариант, который представляет собой сложную грамматическую конструкцию с двумя инфинитивами, один из которых является перфектным. Использование последнего излишне и даже ошибочно, что в последствии с усмешкой обсуждается коллегами автора данного предложения.

Еще одним примером нерационального использования языковых средств может считаться синтаксическая неоднозначность.

Хотя языки и стремятся к упрощению, о чем свидетельствует сравнительно-историческое языкознание, это не исключает многозначности грамматических форм, скорее наоборот: одна и та же форма получает дополнительные значения. Это можно доказать на примере совпадения форм изъявительного и сослагательного наклонения в современном английском языке, а также совпадения форм претерита индикатива и конъюнктива слабых глаголов в немецком. Следует отметить, что в древневерхненемецком периоде данные формы отличались друг от друга. Так, современная форма глагола *sagen* -> *sagte*, которая одновременно означает претерит индикатива и конъюнктива, восходит к двум различным формам древневерхненемецкого периода: *sagêta* (претерит индикатива) и *sagêti* (претерит конъюнктива или ирреалис).

Совпадение форм на современном этапе не свидетельствует о том, что участники коммуникации эти формы смешивают. На синтаксическом уровне данные формы актуализируют свое значение благодаря лексическому окружению и конситуации. В предложении *If only I could get a job at some decent school* (Christie, 2007) о том, что модальный глагол *can* используется в сослагательном наклонении, свидетельствует вводящий условное предложение союз *if*. В предложении *He could afford it financially, of course, but he couldn't afford to drop out* (Там же) отсутствуют показатели условности, следовательно, модальный глагол используется в изъявительном наклонении, однако в зависимости от ситуации данное предложение можно перенести и в сферу ирреального. В соответствии с грамматикой немецкого языка, чтобы избежать идентичности форм, в данном случае используется кондиционалис: *Dann würde ich auch schimpfen* (Remarque, 1988) вместо *Dann schimpfte ich auch*, которое в первую очередь воспринимается как обычное прошедшее время.

Как стилистический прием **амфиболия** используется целенаправленно, непреднамеренное использование амфиболии рассматривается как ошибка (Солодовник, 2001). Классическим примером амфиболии в русском языке является предложение: *Казнить нельзя помиловать*, в котором проблема омонимии разрешается либо постановкой запятой перед или после слова «нельзя» в письменной речи, либо интонационно в устной. Ср. нем: *Hinrichten soll man nicht begnadigen* [Перевод наш. – Н.Ц.].

В немецком языке подобная неоднозначность возникает из-за совпадения форм имен существительных, личных и относительных местоимений в номинативе и аккумулятиве женского и среднего родов, а также во множественном числе. Кроме того, неоднозначное толкование возможно при наличии нескольких существительных одного рода, одно из которых заменяется личным местоимени-

ем: *Sie [Wirtin] muss gute Verbindungen haben. Entweder weiß die Polizei es wirklich, oder sie wird geschmiert* (Remarque, 1988). Данный пример иллюстрирует, что местоимение *sie* может относиться как к *Wirtin*, так и к *Polizei*. Возникшую проблему решает наличие контекста.

Одним из способов устранения омонимии синтаксических конструкций является трансформация. При перестановке слов в рамках одного предложения по правилам конкретного языка многозначность элиминируется. Так, например, в предложении *Viele Opfer wurden nach ersten Angaben von Ärzten tot getrampelt* посредством трансформации можно развести каждое из имеющихся значений:

а) *Nach ersten Angaben von Ärzten wurden viele Opfer tot getrampelt.*

б) *Nach ersten Angaben wurden viele Opfer von Ärzten tot getrampelt.*

Правила синтаксиса немецкого языка позволяют перестроить предложение подобным образом без нарушения синтаксической нормы.

Как уже отмечалось ранее, зачастую синтаксическая омонимия в устной речи может быть устранена интонационно. Для этого служат соответствующие паузы и тон:

Viele Opfer wurden nach ersten Angaben von Ärzten↑ | tot↓ getrampelt.

Viele Opfer wurden nach ersten Angaben↑ | von Ärzten↓ tot getrampelt.

Рассмотрев приведенные примеры, делаем вывод о том, что относительно языка можно говорить об иррациональных языковых средствах и о нерациональном использовании языковых средств. Причем понятия *иррациональный* и *нерациональный* не являются взаимозаменяемыми. *Нерациональный* обозначает нецелесообразный с точки зрения расходования средств, в том числе и языковых, а *иррациональный* – это противоречащий разуму, несоответствие видимого содержанию, отклоняющийся от установленной нормы.

В параграфе 2.2. рациональному противопоставляется эмпирическое.

В качестве эмпирического в языке рассматриваются пословицы с отклонением от синтаксической нормы. Как отмечалось ранее, пословицы как устойчивые, зафиксированные, застывшие сочетания являются частью языка и воспроизводятся в речи в неизменном виде, независимо от того, есть ли в них нарушение нормы или нет. Усвоение и употребление той или иной пословицы продиктовано наличием определенной ситуации, в которой человек, полагаясь на свой опыт, использует ту или иную пословицу. В соответствии с этим нами была предпринята попытка составления классификации пословиц с отклонением от нормы литературного немецкого языка.

Независимо от того, изучается язык естественным или «искусственным» путем, фразеологические единицы, к которым можно отнести пословицы, воспринимаются как данное. Усвоение пословиц является неотъемлемой частью овладения языком, в дальнейшем они усваиваются опытным путем, то есть эмпирически.

С точки зрения отклонения от грамматической нормы пословицы представляют собой особый интерес прежде всего потому, что являются устойчивыми сочетаниями слов. Если в этом сочетании зафиксировано отклонение, следовательно, находясь в структуре пословицы, оно тоже может рассматри-

ваться как устоявшееся. Кроме того, пословица, будучи грамматически и логически законченным изречением и, более того, представляя собой устойчивое предложение, полностью исключает возможность изменения структуры. Одним из основных признаков пословиц является их воспроизводимость (Reproduzierbarkeit), а это значит, что при их воспроизведении каждый раз повторяется и отклонение от нормы.

Структурная классификация пословиц была представлена А.Д. Райхштейном, утверждавшем, что «у ряда немецких пословиц обнаруживаются особые синтаксические структуры, нехарактерные для прочих немецких фраз – устойчивых и свободных. Эти структуры отличаются отсутствием личных форм глагола и соответственно – особой лаконичностью формы, повышенной экспрессивностью и сравнительно нечетким формальным выражением смысловой связи между частями пословицы». Согласно классификации, выделяются следующие типы пословиц с нарушением синтаксической структуры:

- 1) Kein(e) + N1 + ohne + N2
- 2) N2, N2
- 3) A1N1, A2N2
- 4) (Adv.1) Part. III, (Adv.2) Part. II
- 5) Wie + N1, so + N2
- 6) Je + Adv. comp.1, je + Adv. comp.2
- 7) Besser/lieber + N1 + als + N2
- 8) Erst + N1/V imper.1/Inf.1 + dann + N2/V imper.2/Inf.2

С точки зрения характера имеющихся отклонений, мы попытались составить классификацию немецких пословиц, для чего с помощью трансформации и катализа восстановили их полную структуру, что позволило судить о присутствующих в них синтаксических аномалиях.

Пословицы немецкого языка с учетом их синтаксической структуры можно разделить на две группы: пословицы-эллипсисы и пословицы, между компонентами которых наблюдается нарушение согласования.

По элиминированному элементу пословицы-эллипсисы можно разделить на следующие группы:

1) пословицы, в которых опущен глагол-связка. Данная группа пословиц является наиболее многочисленной из всех пословиц-эллипсисов:

Wie das Willkommen, so der Abschied. ↔ *Wie das Willkommen ist, so ist auch der Abschied.*

2) пословицы, в которых элиминируется не только глагол связка или вспомогательный глагол для образования сложной временной формы, но и подлежащее:

Am Tage errungen, am Abend verschlungen. ↔ *Am Tage ist etwas errungen, am Abend ist es verschlungen.*

3) пословицы в виде пропорциональной конструкции, при трансформации которых можно получить простое предложение, вызывают интерес в первую очередь тем, что при восстановлении полного предложения между уже имеющимися элементами возникают различные связи: *Alte Städte, alte Bräuche.* ↔

a) *In alten Städten sind alte Bräuche* или б) *Alte Städte haben alte Bräuche*.

4) следующая группа пословиц представлена компрессированными сложноподчиненными предложениями. Являясь пословицами-эллипсисами, эти предложения легко разворачиваются, приобретая вид полного сложноподчиненного предложения: *Ende gut, alles gut.* ↔ *Wenn Ende gut ist, dann ist alles gut.*

5) в отдельную группу можно выделить половицы, в которых опускается конструкция *es gibt*. В немецком языке таких пословиц довольно много. Они встречаются также в пропорциональных сложноподчиненных смешанных предложениях: *Je mehr Advokate, je mehr Prozesse.* ↔ *Je mehr Advokate es gibt, desto mehr Prozesse gibt es.*

б) заключительную группу пословиц-эллипсисов составляют пословицы, в которых элиминированы указательное местоимение *es*, выполняющее роль подлежащего или заместителя первого места в предложении, и глагол связка: *Besser abwarten als übereilen.* ↔ *Es ist besser abzuwarten als zu übereilen.*

Теперь рассмотрим пословицы, в которых имеется нарушение согласования между компонентами.

1. Одним из отклонений в пословицах является использование в роли подлежащего предложения не имени существительного или местоимения, а других частей речи. Данное отклонение является факультативным, так как грамматическая норма немецкого языка позволяет употреблять в качестве подлежащего любую часть речи. Однако в повседневной речи подобные конструкции встречаются довольно редко, поэтому они были отмечены нами как пословицы со структурными аномалиями: *Dreimal umgezogen ist so gut wie einmal abgebrannt. Abends ohne Schulden ist morgens reich. Allzu gerecht tut unrecht. Alt an Jahren hat viel erfahren. Kurz und gut ist angenehm. Billig und gut sind selten beisammen. Beinahe bringt keine Mücke um* и др.

2. Пословицы, в которых наблюдается нарушение согласования между определением и определяемым словом: *Kurz Abendbrot macht lange Lebenszeit.*

В отдельную группу можно выделить пословицы, в которых нарушение нормы расценивается как спорное.

1. Пословицы, имеющие в своем составе **эпизевксис**, дословное повторение с целью обращения внимания на конкретный предмет или явление, занимают особое место в предлагаемой классификации, так как не являются эллипсисами, и в их структуре не наблюдается синтаксических нарушений. Однако называть данные пословицы полными предложениями тоже нецелесообразно.

Простое название «в чистом виде» в немецком языке может выполнять множество функций. Так, обычное воспроизведение инфинитива глагола, наречия или одной из форм имени существительного с соответствующей интонацией может выполнять побудительную функцию: *Atem anhalten! Zurück! Wasser! Hilfe!* Так и пословица-эпизевксис преследует цель передачи определенной информации. Двойное повторение одного и того же элемента свидетельствует о важности высказывания и используется с целью заострить внимание собеседника. Кроме того, в компонентах таких пословиц зачастую наблюдается метафорический перенос: *Das alte Lied, das alte Lied.*

2. В книге В.К. Харченко «Современная повседневная речь» на материале русского языка продемонстрированы многочисленные примеры использования вокативов: обращения-диминутивы, обращения-комплименты, обращения-метафоры, обращения-окказионализмы, обращения-экзотизмы, посессивы, субстантивированные части речи и др. В некоторых немецких пословицах за вокатив можно принять целое предложение, так как сказуемое в главной части выражено одной из форм глагола в императиве, то есть это пословицы в форме сложноподчиненного предложения, придаточная часть которых является обращением. Все придаточное предложение выполняет роль вокатива и носит обобщенный характер: лицо, которому адресовано данное обращение, остается неизвестным, но в то же время ему уже приписываются определенные качества или имеющиеся у него возможности, желания или намерения, ср. русск: *Сна-сайся, кто может!*

Wer guten Rat will, frage den Alten.

Однако наличие в данных предложениях коррелята или возвратного местоимения *sich* наталкивает на мысль о том, что в данных пословицах глагол употребляется не в повелительном наклонении – императиве, что исключает наличие в данном предложении обращения. В таких пословицах используется побудительный конъюнктив (*heischender Konjunktiv*) в третьем лице единственного числа в настоящем времени, который выполняет функцию волеизъявления и совпадает по форме с императивом второго лица единственного числа. Лишь возвратное местоимение *sich* или коррелят *der* свидетельствует о том, что глагол употреблен в 3 л. ед. ч.:

Wer Gutes tun will, besinne sich nicht lange.

Далее рассматривается следующий тип дихотомий – дихотомия «рациональное – эмоциональное».

Эмоциональное может проявляться на всех языковых уровнях. Начиная с тембра голоса и эмфатической интонации, с выбора и использования необходимого лексического материала, подбора той или иной грамматической структуры и заканчивая сверхфразовыми единствами, человеческая речь эмоционально маркирована. На синтаксическом уровне эмоциональное проявляется в первую очередь в нарушении структуры.

В немецком языке нормативная структура предложения под влиянием эмоций и чувств говорящего может разрыхляться. Наиболее часто данное явление встречается в разговорной речи, так как в письменной речи у адресанта всегда есть время на обдумывание структуры предложения и устранения возникающих под влиянием эмоций нарушений. В диалоге, находясь под влиянием эмоций, зачастую возникают необоснованные паузы, повторы, тавтология и другие нарушения:

... seien wir lieber ganz deutlich. Sie wollen Ihrem Zustand ein Ende bereiten... Sie wollen, dass ich Sie von Ihrer Ohnmacht, Ihrer Übelkeit befreie, indem ich... indem ich die Ursache beseitige (Цвейг, 2004).

Эмоциональное в языке может быть представлено любым нарушением нормы, если данное нарушение возникает вследствие эмоционального всплеска

говорящего, неуверенности, переживания. В качестве языковых средств эмоционального можно рассматривать пролепис, анаколуф, парантезу.

В **Заключении** делаются выводы по проведенному исследованию и намечаются перспективы дальнейшего исследования явления иррационального на других языковых уровнях.

Таким образом, мы полагаем, что в результате исследования нам удалось доказать наличие иррационального начала не только в речи, но и отчасти в языке. Кроме того, подтверждение нашла выдвинутая на начало исследования гипотеза о том, что иррациональное не всегда является нежелательным явлением. Как показал анализ синтаксиса немецкого предложения, наличие иррационального компонента позволяет обогатить речь, сделать ее насыщенной и эмоциональной.

Обширность, многоаспектность, неоднозначность явления предоставляет широкий спектр материала для дальнейшего исследования. В перспективе изучение иррационального целесообразно не только с позиции синтаксиса немецкого языка, но и на других языковых уровнях. Помимо этого, те языковые средства, которые способствуют иррационализации с точки зрения прагматики, а также те языковые явления, на основе которых построены описанные в данной диссертации дихотомии, гипотетически могут существовать и в других языках, однако их число и состав может значительно отличаться от тех, которые находятся в арсенале немецкого языка. Анализ фактического материала на других германских языках может позволить дополнить предлагаемые в данной диссертации дихотомии.

Мы полагаем, что главным результатом проведенного исследования является обоснование наличия в языке и речи иррационального начала, а также подтверждение гипотезы о том, что иррациональное в языке способно выполнять функции, не присущие рациональному, не только дополняя, но и обогащая его.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Статьи в ведущих периодических изданиях:

1. Цыбуля, Н. С. Иррациональное и нерациональное в синтаксисе немецкого предложения / Н. С. Цыбуля // «European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук». – Рига – Москва, 2012. – №11(27) – С. 207 – 213 (0,4 п.л.).
2. Цыбуля, Н. С. Структурно-семантическая характеристика немецких пословиц с синтаксическими отклонениями / Н. С. Цыбуля // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Белгород, 2012. – №24(143). – С. 111 – 115 (0,42 п.л.).
3. Цыбуля, Н. С. К проблеме амфиболии в синтаксисе немецкого предложения / Н. С. Цыбуля // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – №9(27), ч. 1. – С. 180-182 (0,37 п.л.).

Публикации в других изданиях:

4. Цыбуля, Н. С. Общая характеристика сложноподчиненного побудительного предложения в современном немецком языке / Н. С. Цыбуля // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: сборник научных трудов, подготовленный к Всероссийской студенческой научно-практической конференции. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2007. – С. 42 - 45 (0,12 п.л.).

5. Цыбуля, Н. С., Морозов, Л.С. Средства выражения побудительности в современном немецком языке / Н.С. Цыбуля, Л.С. Морозов // Вестник СНО: сборник студенческих научных работ. – Белгород, 2007. – С. 80 – 85 (0,28 п.л./0,14 п.л.).

6. Цыбуля, Н. С., Морозов, Л. С. Императивный инфинитив в немецком языке / Н.С. Цыбуля, Л.С. Морозов // Экономика и лингвистика: пути взаимодействия: сборник материалов международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009 г. – С. 158 – 162 (0,17 п.л./0,9 п.л.).

7. Tsybulya, N. S. Das Problem des Irrationalen in der deutschen Sprache / N.S. Tsybulya // *Experientia est optima magistra* (опыт – лучший учитель): сборник научных статей. – Белгород, 2011. – С. 144 – 148 (0,29 п.л.).

8. Цыбуля, Н. С. Логическая категория «адвокат дьявола» и средства ее выражения в языке / Н.С. Цыбуля // *Общественные науки: Всероссийский научный журнал*. – Москва, 2012. – №6(1). – С. 173 – 176 (0,24 п.л.).

9. Tsybulya, N. S. Das Problem der Ambiguität in der Syntax der deutschen Sprache / N.S. Tsybulya // *European Applied Sciences*. – Stuttgart, 2013. – №1/2. – S. 52 – 54 (0,25 п.л.).

10. Цыбуля, Н. С. Языковые средства умолчания в немецком языке / Н.С. Цыбуля // *Научный поиск в современном мире: сборник материалов 3-й международной научно-практической конференции, 30 апреля, 2013 года*. – Москва, издательство Перо, 2013. – С. 102 – 105 (0,24 п.л.).